

а памятник вместе с другими надгробиями людей, составляющих славу и гордость Алтая, раздроблен и крошка использована для мощения улиц...

Сохранилась лишь фотография памятника.

Именем С. И. Гуляева была названа небольшая окраинная улочка (быв. Иванов Лог) близ Знаменской церкви (ныне – женский монастырь). Но и она исчезла после застройки того района.

Но Степан Иванович Гуляев не забыт и не мог быть забыт, для того он «достаточно потрудился» на благо родного края. Всех его занятий и увлечений глазом не охватишь, но главная его заслуга, по общему признанию – русская фольклористика Сибири. При жизни он не смог опубликовать в полном объеме собранный им материал. Лишь небольшие подборки фольклорных текстов появились в дореволюционных изданиях и периодике.

Только в 1952 г. в Новосибирске были изданы «Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева». А в 1988 г. в Барнауле вышло второе, дополненное издание под названием «Былины и песни Алтая. Из собрания С. И. Гуляева» (составитель и автор предисловия – новосибирский историк Юрий Львович Троицкий).

Но и это издание – далеко не полное. Не собрано до 150 его статей и заметок, в основном краеведческих. Немалый научный интерес представляет и его богатое эпистолярное наследие. Это подтверждается небольшой подборкой писем, включенных Ю. Л. Троицким в барнаульское издание. Недостаточно еще, как я полагаю, изучен и богатейший архивный фонд С. И. и Н. С. Гуляевых.

Историк, этнограф, фольклорист, изобретатель, подлинный подвижник по своей натуре Степан Иванович Гуляев – одна из самых ярких фигур среди алтайских краеведов.

2. СЫН

Николай Степанович Гуляев родился в 1851 г. в Санкт-Петербурге, где служил в то время отец. В восьмилетнем возрасте с родителями переехал в Барнаул. Здесь окончил окружное училище, затем Томскую гимназию (1871) и поступил на юридический факультет Петербургского университета, откуда в 1873 г. был отчислен «как пробывший два года на первом курсе и переводного экзамена не выдержавший». Поступил в Казанский университет,

но и оттуда в 1875 г. был исключен с 1-го курса «за невзнос платы за слушание лекций».

В некоторых публикациях причиной увольнения Н. С. Гуляева из обоих университетов называется якобы его участие в революционных кружках, но документами это не подтверждается.

Не сумев получить высшего образования, Николай Гуляев около двух лет провел за границей; в Германии слушал лекции по философии, в Швейцарии – по горному делу.

Вернувшись в Россию, служил агентом в пароходстве «Курбатов и Игнатов», десятником на строительстве железной дороги (в Тюмени), затем на той же должности – на строительстве Обь-Енисейского канала.

В 1881 г. по просьбе отца вернулся в Барнаул, стал заведовать принадлежавшей ему типографией.

Под влиянием отца, пользуясь его богатой библиотекой, увлекся изучением истории Алтая и Сибири, приобщился к археологическим раскопкам.

После смерти отца (1888) стал владельцем всего им собранного. Как и отец, охотно помогал другим исследователям имеющимися у него материалами. Однажды это привело к конфликту.

В 1890 г. в Томске вышел историко-статистический сборник «Алтай». Он донныне пользуется завидным спросом у исследователей и вполне достоин того. Составителем и редактором сборника был проживавший в Барнауле ссыльный народник Петр Александрович Голубев (1855–1912), выпускник Казанского университета, директор гимназии из Оренбургской губернии. Он же является и автором аж 19-ти статей по самым разным вопросам истории Алтая. Назову лишь некоторые: «Ликвидация горного дела на Алтае», «Народное образование», «Землевладение на Алтае», «Очерки сибирской жизни и положения переселенцев на Алтае». Все статьи – отнюдь не дилетантские.

Когда я познакомился с биографией П. А. Голубева, то невольно удивился: когда он успел набраться столь глубоких знаний об Алтае?

Посудите сами. В июле 1887 г. П. А. Голубев был сослан на три года под гласный надзор полиции в село Алтайское (ныне рабочий поселок, райцентр). 12 сентября 1889 г. переехал на жительство в Барнаул. А уже в 1890 г. издал сборник «Алтай», успел написать для

него 19 полноценных статей да еще составить и отредактировать сборник объемом в 436 страниц! Как ни считайте, полгода не наберется на все про все. Не мог Голубев, будь он хоть семи пядей во лбу, к тому же впервые оказавшись на Алтае, проделать такую работу за столь короткий срок! Кто-то хорошо ему помог.

Теперь я знаю, кто: Николай Степанович Гуляев.

Обращаясь к нему за материалами, П. А. Голубев, по всей вероятности, пообещал поместить в сборнике большой биографический очерк о С. И. Гуляеве с его портретом и сборник посвятить ему же. Но в ходе работы он вынужден был «по недостатку места поместить лишь краткий очерк его деятельности».

В ответ Н. С. Гуляев отобрал у него бумаги отца. Однако П. А. Голубев успел, очевидно, сделать из них подробные выписки, а потом использовать их при написании своих статей. Ничем другим объяснить случившееся не могу.

Была еще одна причина для размолвки у этих уважаемых людей. Послушаем П. А. Голубева: «...Произошло это от того, что я не мог согласиться печатать настоящий сборник в его типографии, где для этого было недостаточно ни шрифта, ни станков, ни рабочих. Личная обида за свою типографию заслонила у Гуляева даже память о дорогом покойнике. Отбирая у меня бумаги, он воспрещал не только пользоваться ими, на что имел право, но не желал даже чтобы настоящий сборник был посвящен памяти его отца и чтобы в книге были портрет и биография покойного. Уступая его законным требованиям относительно неизданных материалов С. И. Гуляева, мы однако не можем исполнить остальные его претензии, о которых со временем, вероятно, пожалеет и сам не в меру обиженный сын покойного...»

Биографический очерк о С. И. Гуляеве, пусть краткий, П. А. Голубев все же поместил в сборнике, портрет – тоже, но от посвящения сборника С. И. Гуляеву вынужден был отказаться.

2

27 октября 1891 г. Н. С. Гуляев, как уже говорилось, был избран членом-учредителем созданного по инициативе С. П. Швецова Общества любителей исследования Алтая и на том же собрании – кандидатом в члены Совета Общества. Это, без сомнения, означало признание его заслуг как знатока истории Алтая и Сибири.

А ведь он к тому времени еще не был архивариусом Главного управления округа, а заведовал, вместо умершего брата Александра, типографией, принадлежавшей отцу.

18 апреля 1892 г. он впервые выступил на собрании членов Общества с сообщением о наводнении в Барнауле, случившемся в мае 1793 г. Был введен в состав редакционного совета по отбору материалов для первого номера «Алтайского сборника».

В 1895 г. начальником округа В. К. Болдыревым он был приглашен для приведения в порядок архива, а через год назначен архивариусом округа, стал, можно сказать, «хозяином» богатейшего собрания документов по истории Алтая, доступ к которым для исследователей был в то время закрыт. Это определило всю его дальнейшую судьбу. Он оказался не из той, впрочем, тоже вполне уважаемой категории архивистов, которые без труда найдут вам любое «дело», но что в том «деле», их нимало не интересует. Николая Степановича интересовало!

В одном из отчетов Общества говорится, что он в течение нескольких лет безвозмездно извлекал из архивных документов исторические сведения о переселенческом движении. Лишь в 1900 г. Советом Общества ему было ассигновано 25 руб. исключительно на переписку. Найденные им сведения имели «исключительную ценность как совершенно неизвестные в литературе по этому вопросу».

О том же позднее говорилось в некрологе: «Разбирая дела, Н. С. Гуляев «извлекал из них огромный и богатый материал в виде выдержек по горному делу, инородческому вопросу и общей истории Алтайского края».

С сообщениями о своих находках Н. С. Гуляев неоднократно выступал на собраниях членов Общества. Вот лишь некоторые из этих выступлений:

«К истории колонизации Сибири в начале XVIII века» (1898);

«Об условиях первоначального заселения Сибири» (1900);

«Исторические данные по исследованию Телецкого озера» (1901).

Увлечен он и археологией. 25 марта 1900 г. на собрании членов Общества выступил с сообщением «О курганах в Алтайском округе и городище, открытом вблизи деревни Большереченской». Ранее не раз побывал на этом городище, нашел там несколько предметов

эпохи переходного периода от бронзового к раннему железному веку: два бронзовых ножа, шесть костяных наконечников стрел, железный топор. Находки передал в музей.

В 1902 г. Н. С. Гуляев совместно с П. А. Ивачевым написал книгу «Колыванская шлифовальная фабрика». Она издана в Барнауле. В 1917 г. по заказу Алтайской горной думы написал совместно с П. Е. Семьяновым статью «Алтайские инородцы». Дума была образована в июле 1917 г. на прошедшем в Бийске съезде представителей инородческих волостей Горного Алтая. Председателем ее был избран художник Г. И. Гуркин.

В 1902 г. Общество любителей исследования Алтая было преобразовано в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Подотделу стали ежегодно выделять 500 руб. субсидии (сумма по тем временам немалая). Это позволило подотделу в том же году организовать две научных экспедиции: в Горный Алтай (В. И. Верещагин) и в верховья Чарыша (орнитолог П. М. Залесский).

После того как заводы и рудники на Алтае были закрыты и округ перестал называться горным (1896), возникла опасность, что библиотека и музей, принадлежавшие горному ведомству, останутся бесхозными. В библиотеке насчитывалось к тому времени около 28 тысяч томов на русском, немецком, английском, французском и латинском языках. Это была первая в Сибири и одна из крупнейших в России технических библиотек. Впрочем, кроме технической, там было немало художественной, педагогической и другой литературы. Упадок, а затем свертывание горнозаводского производства отразились и на судьбе библиотеки. Она перестала пополняться новыми изданиями, ослаб контроль за учетом и сохранностью книг. Не лучше обстояло дело и с музеем.

В связи с этим Совет Общества 16 октября 1897 г. возбудил ходатайство перед Кабинетом о передаче библиотеки и музея в ведение Общества. Но Кабинет согласия не дал. 28 мая 1911 г. ходатайство было повторено. Его поддержал начальник округа В. П. Михайлов. На сей раз оно было удовлетворено с условием, что библиотекой и музеем будут беспрепятственно пользоваться чины округа.

Это была радостная новость. Но встал вопрос: где их разместить?

И Совет, по поручению общего собрания, вновь обращается в Кабинет с такой просьбой: передать им здание упраздненной химической лаборатории для размещения в нем библиотеки и музея, открытых для публики.

И опять удача! 20 июля 1913 г. последовало «Высочайшее соизволение» императора Николая II на предоставление подотделу здания бывшей химической лаборатории для размещения в нем библиотеки и музея и о присвоении им такого названия:

«Музей и библиотека, учрежденные
Алтайским подотделом Западно-Сибирского
отдела Императорского Русского
Географического общества в 1913 году,
в ознаменование 300-летия
царствования Дома Романовых».

Вместе со зданием химической лаборатории подотделу был передан участок земли в 300 квадратных сажен и 5000 руб. на ремонт и реконструкцию здания.

Это был поистине царский подарок!..

Но началась война с Германией. В армию была призвана значительная часть сотрудников подотдела. За ней грянули Февральская и Октябрьская революции 1917 г., породившие братоубийственную гражданскую войну. Старый «мир насилия», как поется в песне, был разрушен «до основанья», новый мир рождался в обстановке небывалой разрухи всего и вся, невиданных лишений и героического трудового порыва людей, поверивших, под влиянием большевистской пропаганды, в близкую реальность «светлого будущего», в котором «кто был никем – тот станет всем».

Не просто, ох, не просто было выжить подотделу в те грозные годы! Главная беда заключалась в отсутствии средств на самое необходимое.

Неоднократно выручал Культпросветсоюз Алтайского края. Вступив коллективным членом в подотдел, он уплатил сразу три тысячи рублей вступительного взноса. И это был не последний его вклад (подробнее о деятельности Культпросветсоюза рассказано в главе «Есть такой музей!»).

Вернемся к прежнему разговору. Несмотря на все трудности, музей был, наконец, открыт для публики в октябре 1918 г.

С библиотекой дело оказалось сложнее. С разборкой книг, а их теперь насчитывалось до 40 тысяч томов, до восстановления

советской власти в Барнауле закончить не успели. А после ее восстановления (декабрь 1919 г.) губревком с ходу принялся национализировать все и вся. Не забыл про музей и библиотеку. Библиотеку национализировали по-варварски, иначе не скажешь. Часть книг, уже разобранных как полагается, сняли с полок, перенесли через дорогу в губархив и свалили на пол в неотопляемом помещении, другую часть перетащили в амбар музея и там тоже свалили как попало. Забегая вперед, скажу, что в амбаре книги пролежали около трех лет, за это время было похищено девять тысяч томов.

Вся кропотливая работа по разборке библиотеки пошла насмарку!..

Лишь в июле 1923 г. многострадальная библиотека (она стала называться научно-исторической) была, наконец, открыта.

Но недолго был ее век.

В марте 1926 г. по распоряжению Сибкрайисполкома 1000 (тысяча) томов была передана в Новосибирск, а в 1928 г. оставшаяся часть туда же – Обществу исследования Сибири и ее производительных сил. Но в 1931 г. это Общество было ликвидировано, а его руководители репрессированы как «враги народа».

Ныне остатки библиотеки можно увидеть в Государственной публичной научно-технической библиотеке (ГПНТБ) Сибирского отделения Академии наук Российской Федерации, Новосибирской областной библиотеке, Новосибирском государственном медицинском университете. Остались какие-то крохи и в Барнауле – краеведческом музее, краевом госархиве, краевой библиотеке им. В. Я. Шишкова.

3

Судя по документам, Николай Степанович Гуляев в последние годы жизни сильно бедствовал. Он неоднократно обращался в Главное управление округа с просьбами о пособии или ссуде. Так, в октябре 1913 г. попросил ссуду в размере 600 рублей с рассрочкою на три года на ремонт дома.

3 января 1914 г. Н. С. Гуляев обращается с новым прошением: «Ввиду болезни сына Вадима⁴, учащегося в Москве, я крайне

⁴ Гуляев Вадим Николаевич (1890–1943), живописец, график. В 1907–1911 гг. окончил Казанскую художественную школу; в 1912–1913 гг. учился в Москве, в

нуждаюсь в деньгах как на лечение, так и на возвращение его в Барнаул».

Ему было выдано 150 рублей.

В том же году он просит пособие в связи со смертью жены: «Нахожусь в крайне стесненном материальном положении...»

В июле 1915 г. Н. С. Гуляев заболевает сам. Врач А. И. Смирнов⁵ ставит ему такой диагноз: «Страдает хроническим давнишним поражением суставов и мышц ревматико-подагрического характера».

И вновь – прошение начальнику округа: «По совету врачей мне необходимо использовать курс лечения Белокурихинскими минеральными водами. Я настолько болен и слаб, что нуждаюсь в постоянном уходе, что во время поездки на минеральные ключи вызовет исключительные расходы. Не имея никаких сбережений, я не могу совершить поездку и вынужден просить Ваше Превосходительство разрешить мне соответствующее пособие и месячный отпуск».

То и другое было ему предоставлено.

В декабре 1917 г. на Алтае, как известно, была установлена советская власть. 30 мая 1918 г. постановлением губсовдепа Н. С. Гуляев был уволен с должности архивариуса, уволен, по всей вероятности, как царский чиновник. Больше он перед новой властью ничем не провинился. Но уже в мае 1918 г. в Сибири произошел контрреволюционный переворот, советская власть пала. 11 июля 1918 г. руководство Управления земледелия и государственных имуществ Республики (созданного еще Временным Правительством вместо Главного управления Алтайского округа) предложило Н. С. Гуляеву занять прежний пост, но при этом предупредило, что если он по болезни или другой причине сразу не приступит к работе, то «на должности архивариуса остаться не может».

Оскорбленный таким предупреждением, Н. С. Гуляев пишет начальнику управления Л. Л. Маслову:

«Выйти на службу в настоящее время я абсолютно не могу без

художественной студии Н. И. Машикова. После 1917 г. жил в Барнауле, активно участвовал в деятельности Алтайского художественного объединения (АХО), был в числе учредителей общества «Новая Сибирь» (Новосибирск). С 1926 г. жил и работал в Ташкенте. В 1943 г. погиб на фронте Великой Отечественной войны. Творческое наследие практически не сохранилось.

⁵ Смирнов Александр Иванович (1868–1937), известный барнаульский врач. 15 ноября 1937 г. арестован органами НКВД и 8 декабря расстрелян. Полностью реабилитирован в 1956 г.

явного ущерба для своего здоровья. Я перенес тяжелую форму инфлюэнции (гриппа – В. Г.), которая совершенно истощила меня. Я чрезвычайно слаб и лежу в постели. По отзыву врача А. И. Смирнова, я смогу выйти на служебные занятия не ранее истечения шести недель с сего дня. Неужели я, старый и честный архивариус, не имею права болеть? Ведь это право не было отнято даже при самодержавном строе. Я служу в округе около 25 лет. За все это время ни разу не пользовался продолжительным отпуском, если не считать мелких, которые брал по болезни.

Приведение в исполнение этой угрозы будет равносильно моему смертному приговору. Ведь я так же, как и прочие, хочу есть. Мой служебный заработок является моим единственным жизненным ресурсом. Дети мои помочь мне не могут. Один сын в плену у немцев (Сергей – В. Г.), а другой – на фронте (Вадим – В. Г.). Оба они в настоящее время нуждаются в моей материальной поддержке. Поэтому я еще раз прошу отнестись ко мне, к моей старости, моей болезни, к моим прежним заслугам, к моему бедственному и беспомощному положению с особенным вниманием и сочувствием.

2/15 июля 1918 г.»

Согласитесь: не прошение, а крик души!

Из медицинского свидетельства врача А. И. Смирнова от 14 июля 1918 г.:

«После перенесенной инфлюэнцы, осложнившейся расстройством желудочно-кишечного аппарата и повлекшим за собой истощение сил и общую слабость организма, к работе может приступить не ранее шести недель».

Наверное, в эту тяжелую пору, в предчувствии близкого конца, в горьких раздумьях о материальной необеспеченности детей и пришла ему в голову мысль продать недавно образованной Каракорум-Алтайской уездной земской управе свое единственное богатство, накопленное вместе с отцом за долгую жизнь – библиотеку и коллекции.

Н. С. Гуляев был в дружеских отношениях с председателем управы художником Г. И. Гуркиным, горячо приветствовал его искреннее стремление вывести свой народ из вековой темноты. Управа намеревалась открыть, помимо существующих, 13 новых школ-интернатов, три обычных школы, две гимназии (в Улале и

Онгудае), несколько вечерних школ для взрослых, а в селах – избы-читальни, библиотеки, культпросветкружки и т. д.

Еще в октябре 1917 г. Н. С. Гуляев получил приглашение возглавить намеченную к открытию «историко-справочную библиотеку», главным образом по инородческому вопросу. Он дал согласие, тем более, что основой библиотеки должно было стать их с отцом собрание книг. Пусть они послужат людям, потянувшимся к свету, знаниям. А ему и детям это поможет пережить трудные времена.

Переговоры о продаже библиотеки и коллекций начались не раньше августа 1918 г. К Гуляеву приехал заведующий отделом народного образования управы Борис Федорович Добрынин, приват-доцент⁶ Московского университета, занесенный в Горный Алтай водоворотом гражданской войны. Он осмотрел библиотеку, отобрал для себя 36 книг и тут же заплатил за них 400 руб.

Николай Степанович был уже очень плох: не вставал с постели, забывал о том, что говорил вчера, даже засыпал иногда на полуслове. Поэтому переговоры с представителями управы взялась вести его дочь Антонина Николаевна (по мужу – Ветринская). Они продолжались и после смерти Николая Степановича, наступившей 30 ноября 1918 г.

Не стану утомлять читателя их подробностями. Скажу лишь, что завершились они 3 января 1919 г. подписанием акта, согласно которому управе были проданы: библиотека – 1311 томов и коллекции (в акте названы музеем) за 25 тыс. руб. Управа была далеко не богата и выплатить эту сумму обязалась с рассрочкою в три года: 5 тыс. сразу, еще 5 тыс. – к марту 1919 г., остальные – частями по 3 тыс.: 31 декабря 1919 г., 1 июня и 31 декабря 1920 г., 1 июня и 31 декабря 1921 г.

Надеюсь, читатель, немного знакомый с событиями 1919 г. на Алтае, сам догадался, что последние 15 тыс. руб. дети Гуляева не получили: не у кого стало их получать...

В акте специально было оговорено, что библиотека и музей будут носить имена их основателей – отца и сына Гуляевых.

Не сбылись планы Григория Гуркина и Николая Гуляева. А планы, согласитесь, были прекрасные!..

⁶ В высших учебных заведениях до революции – нештатный преподаватель, равный по званию доценту. Доцент – ученое звание преподавателя высшего учебного заведения: ниже профессора, но выше ассистента.

Вот что говорится о судьбе библиотеки и «музея» Гуляевых в отчете Ойротского областного краеведческого музея за 1948 г.: «...После перевозки их из Барнаула в Улалу они лежали в ящиках неразобранными до 1920 г. в помещении музея. За это время из библиотеки было изъято 200 книг приват-доцентом Добрыниным (уж говорили бы: украдено – *В. Г.*) и 80 книг отправлено в Чемал для педагогических курсов, которые в музей больше не возвращались».

В 1920 г. музей и библиотека были перевезены в Чемал, где были развернуты только палеонтологическая и энтомологическая коллекции без библиотеки.

Весной 1921 г. по распоряжению Барнаульского (Алтайского – *В. Г.*) губоно рукописи Гуляевых в количестве шести пудов были увезены из музея в Барнаульский архив, а часть библиотеки, пригодная для школ, передана в Чемальскую школу.

Осенью того же года, по распоряжению Горно-Алтайского отдела народного образования, музей в коробах был перевезен в село Алтайское и совершенно беспризорным свален в одной из комнат Народного дома. Публика Народного дома имела бесконтрольный доступ в хранилище и брала вещи и книги.

Осенью 1923 г. музей снова был перевезен в Улалу и после кратковременного существования опять свернут, а осенью 1924 г. перевезен в помещение храма бывшего женского монастыря в восьми километрах от Уалалы (Кызыл-Озек).

В 1924 г. музей пополнился этнографическими коллекциями Чемальской школы, собранными преподавателями А. В. Анохиным и И. Я. Бобрак. В начале 1925 г. музей был закрыт и сложен в комнате сборного военного пункта для допризывников, где снова подвергался расхищению. Летом 1926 г. музей и библиотека были снова перевезены в Улалу и сложены в амбаре облоно. Осмотр их специальной комиссией установил, что от бывшего музея и библиотеки осталось не более одной трети. Подавляющее большинство вышеуказанных коллекций из оставшихся, а также отдельные экспонаты были разрушены, описи от них утеряны, вследствие чего они потеряли свою научную ценность.

Богатые библиотека и архив, также приобретенные у Н. С. Гуляева, оказались расхищенными. Остатки всего этого валялись в беспорядке, сваленные в кучу в одном из амбаров.

И только с первой половины 1927 г. Ойротскому музею было предоставлено постоянное помещение в Улале, где и были

расположены жалкие остатки некогда ценных коллекций библиотеки и архивных материалов...»

Узнай обо всем этом Степан Иванович и Николай Степанович Гуляевы, наверное, в гробу бы перевернулись!..

В октябре 1928 г. директор Горно-Алтайского музея Н. Арбузова обратилась к вернувшемуся из Тувы Г. И. Гуркину с просьбой дать опись коллекций, архива и библиотеки, приобретенных у Н. С. Гуляева, так как коллекции беспаспортны. Ответа не последовало. Вряд ли после разорения дома в Аносе, шестилетних скитаний по Монголии и Туве у Гуркина что-либо сохранилось. Нетрудно представить, что и для него все случившееся с библиотекой и коллекциями Гуляевых, было тяжким ударом...

В начале 80-х годов (теперь уже прошлого века) Ю. Л. Троицкому удалось найти лишь 48 книг в Горно-Алтайской областной (ныне республиканской) библиотеке, принадлежавших ранее Гуляевым.